

перемену въ своемъ сынѣ. Онъ сдѣлался необыкновенно грустенъ и пересталъ искать свѣтскихъ удовольствій. Онъ часто произносилъ какія-то непонятныя фразы и дѣлая странные намеки на то, что Ульменгольцамаъ предстоитъ борьба за честь и имущество, что роковая минута близка и т. п. Родители были крайне встревожены; они думали, что ихъ любимый сынъ боленъ и все убѣждали его обратиться къ доктору.

Теперь только, во время разговора съ Бруно, у банкира явилась мысль, что это настроеніе Джемса происходило отъ смутаго предчувствія угрожающей имъ опасности, принявшей теперь исполнѣ осязательныя формы. Поэтому-то онъ и рѣшилъ посоветоваться съ сыномъ. Перспектива позорнаго процесса представлялась ему ужасной не столько для него самого, сколько для любимаго сына, который сразу увидитъ себя выброшеннымъ изъ той почетной среды, гдѣ онъ до сихъ поръ занималъ не послѣднее мѣсто. Ульменголецъ въ душѣ былъ благодаренъ Бруно за то, что онъ даетъ ему возможность избѣжать скандала и откупиться деньгами отъ процесса.

Прійдя въ комнату Джемса, банкиръ разсказалъ ему о визитѣ Бруно, о его требованіяхъ, и съ циническимъ спокойствіемъ допустилъ, что Бруно подкрѣпляетъ свои требованія исполнѣ вѣскими доказательствами.—

— Такъ ты увѣренъ, что эти доказательства у него въ рукахъ?—напряженно спросилъ Джемсъ.

— Судя по тѣмъ фактамъ и цифрамъ, которые онъ мнѣ привелъ, я не могу сомнѣваться въ этомъ.

Какъ бы подкошенный этими словами, Джемсъ въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— Ради Бога, дай мнѣ досказать,—закричалъ встревоженный банкиръ.—Вѣдь Сальдингеръ еще не полиція. Онъ только требуетъ, чтобы я добровольно заплатилъ эту сумму, и тогда процесса никакого не будетъ. Правда, это очень крупная сумма, но я ею откуплюсь навсегда, и если ты снова сдѣлаешься прежнимъ молодцомъ и перестанешь грустить, я не буду жалѣть потерянныхъ денегъ.

Джемсъ былъ блѣденъ какъ мѣлъ, черты его лица были судорожно искажены.

— «Я тебѣ совѣтую, отецъ, загладить какъ можно скорѣе свои прежнія гадости и не жалѣть для этого денегъ. Я даю тебѣ этотъ совѣтъ какъ постороннее лицо, потому что до меня это дѣло больше не касается; какъ бы ты ни поступилъ, въ моей судьбѣ это не можетъ измѣнить ничего».